

Работа К. Д. Ушинского в Смольном институте благородных девиц. К 200-летию со дня рождения великого русского педагога

Помелов Владимир Борисович

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. 19 февраля 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870). Многогранная личность великого русского педагога и его труды, определившие ход развития отечественной педагогики, неоднократно становились предметом исследования российских историков педагогики. В то же время многие оценки, дававшиеся исследователями в предшествующий исторический период, страдали идеологической ограниченностью. К тому же в последние годы в распоряжении ученых появились новые, ранее неизвестные факты, связанные с личностью К. Д. Ушинского и его трудами. Автором статьи использовались аксиологический подход, позволяющий выявить в предмете исследования ценностный потенциал, и биографический метод. Для достижения цели исследования – характеристики работы Ушинского в Смольном институте благородных девиц – последовательно решаются следующие задачи: приводятся сведения о деятелях просвещения, содействовавших переходу К. Д. Ушинского на работу в Смольный (А. В. Никитенко, А. С. Норов); дается оценка состояния женского образования в России в середине XIX в.; анализируется проведенная К. Д. Ушинским реформа в институте благородных девиц; показано, как протекал его конфликт со «смольнинскими» ретроградами (М. П. Леонтьева). В статье приводятся отрывки из воспоминаний об Ушинском его современников и друзей (Е. Н. Цевловская, М. Л. Песковский, Ю. С. Рехневский). Сделан вывод о необходимости дальнейшего исследования биографии великого русского педагога с целью установления новых фактов, которые бы позволили полнее представить его жизнь и педагогическую деятельность.

Ключевые слова: Российская империя, педагогика, Смольный институт благородных девиц, К. Д. Ушинский, А. В. Никитенко, А. С. Норов, М. П. Леонтьева.

Введение. Двухсотлетний юбилей К. Д. Ушинского (см. рис. 1) является лучшим поводом для того, чтобы с научных позиций полно и всесторонне раскрыть основные этапы его великой жизни и теоретико-практической деятельности во благо педагогической науки и российского образования. В предлагаемой статье в центре внимания автора так называемый «смольнинский» период биографии великого русского педагога, а именно те годы, которые он работал в должности инспектора классов Смольного института благородных девиц.

Материалы и методы. Автором использовался аксиологический методологический подход, предполагающий поиск в предмете исследования его ценностных составляющих. Биографический исторический метод и работа с научными, литературными источниками позволили достичь цели исследования, а именно воссоздать картину событий, имевших место в связи с работой Ушинского в Смольном. При этом автором последовательно решаются следующие исследовательские задачи: приводятся данные о деятелях просвещения, содействовавших переходу К. Д. Ушинского на работу в Смольный; дается оценка состояния женского образования в России в середине XIX в.; анализируется проведенная Ушинским реформа в институте благородных девиц; показано, как протекал его конфликт со «смольнинскими» ретроградами.

Результаты. Первый вопрос, который задает себе каждый, кто приступает к изучению биографии Ушинского, это вопрос «Как могло так случиться, что человека, которого "с треском" уволили из Ярославского Демидовского лицея, и который попал под негласный запрет на занятие учительских должностей даже в самой обычной школе, вдруг назначают на высокопоставленную должность инспектора классов (то есть заместителя начальника по учеб-

но-воспитательной работе) в самом уважаемом и известном учебном заведении страны, курируемом лично императрицей?» Значит, кто-то ему протезировал, помогал, продвигал в устройстве на работу в Смольный...

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, что самым распространенным мифом, связанным с деятельностью великого русского педагога, является распространившаяся сразу после его смерти, с легкой руки некоторых его друзей, «легенда» о том, что Ушинский был окружен врагами и недоброжелателями.

Этот «миф» с радостью подхватили советские историки педагогики. «Биографы» К. Д. Ушинского на протяжении вот уже более чем полутора сотен лет, прошедших после его смерти, пишут о том, что он был окружен стеной непонимания; его якобы окружали недостойные люди, а царский режим душил Константина Дмитриевича, и по этой причине, а вовсе не причине туберкулеза, развившегося у него еще в молодости, он умер так рано.

У человека, незнакомого с реальной обстановкой в российском образовании в 1860-е гг., может сложиться впечатление, что руководителями просвещения в это время были люди сугубо реакционные. Такой несоответствующий историческим фактам подход был характерен, прежде всего, для работ советского периода. Его отстранение от работы в Смольном характеризуется следующим образом: «Удаление Ушинского из Смольного института, прикрытое формой заграничной командировки, ... вызвало возмущение передовой русской общественности. А. И. Герцен с негодованием писал в «Колоколе» о темных делах государыни и окружающих ее реакционеров, "подковырнувших в Смольном" Ушинского» [2, с. 78].

23 сентября 1862 г. в письме своему другу, историку Александру Ильичу Скребницкому (1827–1915) Ушинский с юмором писал из Швейцарии: «Герцену вздумалось упомянуть в «Колоколе» о моей особе и упрекнуть государыню, что она не разобрала дела по Смольному. Того и смотри, что позовут в Россию, то есть при теперешнем состоянии моего здоровья приговорят к смерти» [2, с. 78]¹. Иными словами, если Ушинский и опасался скорого возвращения в Россию, то, конечно, не по причине некоего «преследования», а по значительно более прозаической причине, – из-за своего нездоровья.

Разумеется, К. Д. Ушинский встречал немало препятствий на своем пути; порой ему действительно мешали реакционеры. Но объективный анализ событий его жизни и педагогической деятельности показывает, что на протяжении всех лет его профессиональной работы он был окружен далеко не только недоброжелателями, но прежде всего теми, кого вполне можно считать лучшими людьми своего времени.

Так что тезис о его моральном «удушении», по нашему мнению, весьма спорен. В лучшем случае, его можно считать только частью правды. Конечно, ему пришлось тратить немало здоровья и нравственных сил в борьбе за свое собственное понимание того, каким образом должен быть организован процесс обучения в Ярославском лицее, а громкий конфликт в Смольном институте, возможно, ускорил течение туберкулеза и приблизил в итоге раннюю смерть великого педагога.

Но давайте зададимся вопросом, а много ли в истории найдется новаторов (педагогов, врачей, изобретателей, политиков и так далее), которым в течение их профессиональной деятельности удавалось избежать конфликтов и невзгод? Скорее всего, мы вообще не найдем таких примеров. Так что Ушинский вовсе не был исключением из правил. Действительно, если уж кто-то встал на путь реформ, он должен быть готовым к возможным неприятностям и неприятию своих устремлений со стороны оппонентов, которые, несомненно, найдутся.

С другой стороны, сможем ли мы в истории российской педагогики отыскать *хотя бы один пример* того, как самая высокопоставленная персона всероссийского масштаба разбирала бы лично конфликт учителя с его коллегами и непосредственным начальством, и при этом выносила бы свой вердикт в пользу этого самого учителя? Тем не менее именно так поступи-

¹ Любопытно, что обе эти цитаты, прямо противоречащие одна другой, помещены не только в одном и том же издании, но даже на одной странице. Очевидно, автору текста, известному историку педагогики, организатору первой в СССР кафедры педагогики начальной школы (в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена) Николаю Григорьевичу Казанскому (1894–1975) и составителю издания, замечательному краеведу и автору книг по истории Ленинграда Вере Константиновне Зажурило (1909–2002) очень хотелось сказать *всю* правду. Но как это было сделать в 1950 г.? Вот они и поместили обе цитаты вместе, видимо, руководствуясь при этом известным девизом писателей времен социализма, – «умный поймет».

ла императрица Мария Александровна (1824–1880), супруга императора Александра II. Каких-то других аналогичных примеров отечественная, а скорее всего, и зарубежная история педагогики и образования просто не знает.

Авторитетные персоны, например, министр народного просвещения А. С. Норов, помогали Ушинскому, причем делали это с такой деликатностью, что сам Константин Дмитриевич даже и не догадывался об этом содействии; мы имеем в виду его назначение инспектором классов в Смольный институт благородных девиц, а затем и получение крайне выгодной во всех отношениях для Ушинского заграничной командировки, фактически неограниченной по срокам и материальным затратам.

Что же касается сопротивления ретроградов новаторским усилиям Ушинского, так ведь ни для кого не является секретом тот факт, что все эти люди не являлись недоброжелателями и тем более личными врагами Ушинского, а выступали как ревностные хранители действовавших на тот период времени правил и законоположений; они неотступно следовали им в своей повседневной работе и, что выглядит вполне естественно, того же требовали от других.

Например, в Ярославском лицее Ушинский, как и другие преподаватели, должен был представить «разбивку на часы» преподававшегося им курса. Но молодой Ушинский отказался подчиняться этому вполне разумному требованию, которое, кстати, по сей день выступает обязательной составной частью работы любого преподавателя. Он заявил, что живое дело преподавания невозможно уложить в прокрустово ложе каких-то там программ и часов.

Будучи по натуре пассионарием, Ушинский категорически не терпел рядом с собой таких персонажей, которым позднее А. П. Чехов дал определение «человек в футляре». Более того, свое неприятие он выражал не только открыто, активно и последовательно, но и чрезвычайно эмоционально, не стесняясь в выражении своих чувств.

И все-таки гораздо больше рядом с Ушинским было тех людей, кто своими действиями помогал ему стать тем, кем он в итоге стал, – крупнейшим русским педагогом.

Неутомимая административно-педагогическая деятельность Ушинского в качестве инспектора классов в Гатчинском сиротском институте обратила на себя внимание известного литературного критика Александра Васильевича Никитенко (1804–1877) (см. рис. 3). Никитенко обратил внимание министра народного просвещения, известного государственного деятеля, действительного тайного советника Авраама Сергеевича Норова (1795–1869)² на успехи Гатчинского института, которые увязал с личностью Ушинского.

При прямом содействии Норова и Никитенко в 1858 г. Ушинский получил предложение занять должность инспектора классов обоих отделений Смольного института – «благородной и неблагородной половин», то есть Николаевской (для дворянок) и Александровской (для мещанок).

16 января 1859 г. К. Д. Ушинский был переведен на должность инспектора классов в «Общество воспитания благородных девиц», – так официально назывался Смольный институт.

Возглавив учебную часть Смольного, Ушинский первым делом пригласил молодых преподавателей, каждый из которых вскоре стал педагогической звездой российского масштаба. Это, прежде всего, Л. Н. Модзалевский, М. И. Семевский, Д. Д. Семенов, В. И. Водовозов, М. И. Косинский и другие (см. рис. 2). Именно они вынесли наряду с Ушинским все тяготы реформы Смольного института.

В работе Ушинский неизменно руководствовался тем опытом, который он в свое время получил от И. Ф. Тимковского [6, с. 384] и П. Г. Редкина [7, с. 172], своих наставников-профессоров по Московскому университету.

К середине XIX в. юноши могли получать образование в открывавшихся университетах и специализированных институтах; кроме того, получили распространение гимназии и лицеи. В то же время первая в России женская гимназия была открыта только 19 апреля 1858 г., она именовалась Мариинским женским училищем для проходящих девиц. Директор училища Н. А. Вышнеградский привлек к работе в училище молодых талантливых преподавателей П. И. Степанова, В. Я. Стоюнина и Д. Д. Семенова. В дальнейшем Семенов во многом способствовал успеху реформы в Смольном, будучи ближайшим соратником Ушинского [12].

Институтское воспитание было доступно лишь очень немногим; далеко не все дочери дворян могли получить в них образование, ибо подобных заведений к концу 1850-х гг. было не более тридцати с общим количеством учащихся не превышавшим 10–12 тысяч [8, с. 85].

² С 7 (19) апреля 1853 по 23 марта (4 апреля) 1858 гг. А. С. Норов был министром народного просвещения.

Смольный в 1860-е гг. представлял собой своего рода монастырь. Воспитанницы не могли видеть людей, не связанных со Смольным. Даже Летний сад полностью освобождался от посетителей во время прогулок институток. Девушки не имели реального представления о деньгах. Воспитанница Смольного Е. Н. Водовозова описывает забавный случай, который случился с ней в Санкт-Петербурге сразу после выпуска из Смольного. Решив поехать куда-то самостоятельно на извозчике, она чуть не подралась с ним, когда тот потребовал плату за проезд. Ей и в голову не пришло, что за проезд надо платить [1, т. 1, с. 218].

Окончив институт, воспитанницы оставались наивными созданиями, не знавшими реальной жизни. Поэтому справедливо утверждение Е. Н. Водовозовой: «...Все точно нарочно было приноровлено к тому, чтобы воспитать не человека, не мать, не хозяйку, а манекен, во всяком случае, слабое, беспомощное, бесполезное, беззащитное существо» [1, т. 1, с. 198].

Смольный институт был закрытым заведением; учащихся не отпускали к родным не только по большим праздникам, но даже на летние, рождественские и пасхальные каникулы. В течение девятилетнего пребывания в институте воспитанницы были оторваны от родных семейств; это была принципиальная позиция руководства, избранная еще в период его открытия.

Работа в Смольном привлекала Ушинского тем, что это учреждение было «головным», на него равнялись все другие женские школы страны, – епархиальные и общеобразовательные училища, пансионаты и тому подобное. Реорганизовать именно это учреждение означало дать толчок к реорганизации всего женского образования.

Систематическое общее образование женщин, не говоря уже о профессиональной подготовке, считалось вредным в моральном и физическом отношениях. Западноевропейская педагогика также не давала никаких указаний относительно женского образования; там оно находилось практически на таком же уровне, как и в России. Ж.-Ж. Руссо, излагавший свою систему образования почти на тысяче страниц в произведении «Эмил, или О воспитании», имел в виду образование *юноши*; *девушке* же он отводил роль фактически бессловесного существа [11].

Важнейшая заслуга женского образования, поначалу воплотившаяся в работе Смольного при Ушинском, состояла в том, как отмечал Д. Д. Семенов, что она положила начало развитию в женщине «общечеловеческого чувства» [12, с. 70].

Реформатор К. Д. Ушинский с энтузиазмом принял за составление проекта преобразования учебной работы в Смольном институте, и уже через месяц его план прошел согласование в совете института. Прежде всего отметим, что девятилетний срок обучения был сокращен до семи лет, причем каждый класс стал годичным. Тем самым «снялась» существовавшая ранее проблема формального перевода фактически неуспевающих учениц в следующий класс.

Девушки осознали тот факт, что в случае неудовлетворительной учебы их *действительно* могут оставить на повторное обучение в том же классе, и это обстоятельство стимулировало их успеваемость. К тому же девятилетний срок был чем-то вроде «пугала» для девушек; его сохранение означало бы продолжение курса на «воспитание новой породы людей» путем возможно более длительного отстранения «институток» от реальной жизни и близких родственников [9, с. 224].

Обе «половины» Смольного института были уравнены Ушинским в отношении объема учебного курса и продолжительности обучения. Это было, несомненно, самое демократическое из нововведений К. Д. Ушинского. Этим самым он устанавливал – в той мере, в какой ему это было доступно – социальное равенство, хотя бы только в пределах Смольного института.

Преподавание до прихода Ушинского велось во многом формально, отрывочно и поверхностно. Теперь же ему был придан серьезный и систематический характер. В основу преподавания был положен русский язык. Новый инспектор стремился придать урокам родной словесности форму живого учебного предмета. Ушинский отбросил формальный грамматизм, убивающий интерес учащихся. Именно Константин Дмитриевич «поставил в пару» русский язык и литературу.

Творческий подход Ушинского к изучению художественной литературы стал поистине новаторским и позволил в итоге выделить новый учебный предмет – литературу. Во многих европейских странах, например в Германии, вплоть до настоящего времени преподается единый учебный предмет – словесность.

Важной заслугой К. Д. Ушинского стало открытие первого в России педагогического класса. Именно Ушинский первым из российских педагогов не только поднял в печати вопрос

о необходимости специального образования для учителей, но и на практике осуществил идею их подготовки.

Обучение в педагогическом классе было необязательным, и оно, это обучение, не заменяло, а служило дополнением к основной образовательной программе Смольного института. Несмотря на необязательный характер, многие девочки пожелали получить важную для них профессию учительницы начальной школы или домашней учительницы. Они с увлечением проходили курс обучения, сдавали выпускное «испытание» и получали соответствующее свидетельство, открывавшее для них по выходе из института возможность получения работы. Это было особенно важно для тех из них, кто не принадлежал к «сливкам общества», и должен был сам пробивать себе дорогу в жизни.

Автор книги об Ушинском, его друг, писатель и журналист М. Л. Песковский писал о преобразованиях: «От прежнего безжизненного, бессодержательного Смольного института осталось лишь одно название: его заменило живое, осмысленное учебное заведение, с кипучей образовательно-воспитательной деятельностью» [5, с. 51].

После двухлетней работы под управлением Ушинского Смольный институт, никогда прежде не интересовавший столичное общество, вдруг стал предметом большого внимания со стороны интеллигенции Санкт-Петербурга. О новой, разумной жизни этого учебного заведения, о происходящих и готовящихся там реформах сообщала печать.

Д. Д. Семенов вспоминал: «В Смольном в это время происходила какая-то усиленная, лихорадочная, напряженная умственная деятельность. Смольный, точно сказочный русский богатырь, после долгой столетней спячки, воспрянул духом и хотел наверстать потерянное время. Все, и учителя, и ученицы, казалось, спешили отличиться друг перед другом. Девушки, и большие, и маленькие, стали учиться отлично; с каким-то захватывающим все существо вниманием следили они за каждым уроком своих преподавателей, как бы боясь проронить хоть одно слово. А с какой неподдельной охотой отвечали они на каждый вопрос преподавателя, какой восторг написан был на их свежих личиках, с какой изумительной аккуратностью приготавливали они заданные уроки и письменные работы! Так обаятельно действовало на восприимчивые души воспитанниц живое слово после мертвящего, скучного, схоластического преподавания. И та же институтка, которая лишь год тому назад заботилась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах и победах, в тишине ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям, – теперь полюбила и чтение, и науку, и труд» [12, с. 85].

Сам Ушинский читал лекции в специальных классах обеих половин до того увлекательно, что приводил в восторг своих взрослых слушательниц; они его просто боготворили [12, с. 86].

Ученицы обоих отделений Смольного института и всех классов, от старшего до самого младшего, не только не тяготились учением, не называли его «противным», как это было прежде, а напротив, с уважением относились к нему, были явно увлечены занятиями, обнаруживая большую любовь к труду. Между ученицами и наставниками были хорошие, простые, естественные отношения, основанные на взаимном уважении, доверии и доброжелательстве.

Авторитет преподавателей, особенно Ушинского, был очень велик в глазах учащихся. Родители и родственники выражали Ушинскому горячую признательность, видя в ученицах не светских кукол, не кисейных барышень, а разумных, развитых девушек, со здоровыми взглядами, понятиями и суждениями.

Во внутренней жизни Смольного произошли резкие перемены. Вместе с введением проекта Ушинского, по воле императорских величеств, разрешено было отпускать девиц на vacationное время к родителям и ближайшим родственникам с целью поддержания родственной связи между воспитанницами для ознакомления их с жизнью той среды, в которую они должны будут вступить по окончании курса. Не было почти ни одной стороны в жизни института, которой бы не коснулась твердая реформаторская рука Ушинского, вспоминала Е. Н. Водозова [1, т. 1, с. 220].

Вместе с тем реформа в Смольном шла вовсе не так споро, как хотелось К. Д. Ушинскому. Дело в том, что учебная работа, которую он возглавлял, была резко отделена от воспитательной работы. Последнюю осуществляли так называемые классные дамы под руководством инспектрис, подчинявшиеся непосредственно начальнице института Марии Павловне Леонтьевой (1792–1874), которая, в свою очередь, была ответственной перед самой императрицей за сохранение надлежащего духа учреждения.

Поведение воспитанниц постоянно контролировалось классными дамами, которые в обязательном порядке присутствовали на каждом уроке. На учителей эти дамы смотрели как

на «вынужденное зло», которое если и можно ввести в класс, то со всеми предосторожностями, по выражению К. Д. Ушинского, «только что не обкуривая хлором». Неудивительно, что по мере того, как Ушинский реализовывал свою программу перестройки, иными словами, – усложнял и обогащал программу обучения, назревал скандал между ним и его сторонниками, с одной стороны, и М. П. Леонтьевой и ее классными дамами, с другой.

Реформа Смольного института осуществлялась открыто. Ее основные положения были утверждены Советом института и, значит, проводились с ведома и согласия администрации. Однако одно дело – на бумаге оформить какие-то планы и намерения, и совсем другое – приступить к их реализации на практике. Предложения, высказанные Ушинским, вовсе не вытекали из установившейся за многие десятилетия институтской идеологии. Работать по-новому можно, как правило, лишь с новым педагогическим персоналом.

В то же время нельзя было не предугадать того очевидного обстоятельства, что приглашение новых преподавателей и, соответственно, освобождение от ранее работавших не могло не вызвать напряжения и недовольства в коллективе, тем более что творческие усилия и педагогические воззрения этих новичков самым кардинальным образом отличались от методов преподавания ранее работавших педагогов, а также и оставшихся учителей, прежде всего, самой начальницы, классных дам и законоучителей.

Ушинский руководствовался убеждением о неразрывности воспитания и обучения. Применительно к преподавательскому персоналу это означало, что тот, кто учит, тот и воспитывает.

В настоящее время это положение сомнений ни у кого не вызывает, и даже кажется странным, что когда-то кто-то мог считать иначе. Однако в Смольном «тон задавали» именно классные дамы, которые присутствовали на каждом уроке. Они, если можно так выразиться, «отвечали» за установление надлежащей дисциплины как на уроке, так и вне занятий. В это трудно поверить, но к числу их установлений, в которые как раз и входило понятие «хорошая дисциплина», было, к примеру, запрещение задавать учителю вопросы на уроке и запрет на общение с ним после занятий.

Объяснялось это тем, что девушкам из «хороших семейств» не пристало вступать в разговор с теми, кто ниже их по социальному положению. А учителя, как правило, и были «ниже их». Практически все эти учителя в свое время получали образование, как говорится, «на медные пятаки»; происходили из разночинной среды, а кое-кто был даже из рабочих или крестьян. На жизнь они зарабатывали таким ничтожным, малоприбыльным способом, как «урокодательство». В самом деле, разве можно было допустить в Смольном какое-либо неформальное общение с такими «наставниками»?!

Ушинский, не колеблясь, вводил ранее им намеченные новшества, не ограничиваясь лишь одними разговорами. Директриса М. П. Леонтьева, которой в то время было уже 70 лет, была, конечно, не готова к тому, что, казалось бы, навсегда установленный распорядок нарушается, но до поры не знала, как подступить к этому запальчивому, громогласному Ушинскому. Подходящий повод нашелся в самом начале 1862 г.

Начало «Смольнинской истории», как называл этот конфликт Ушинский, положили разногласия в связи с распределением по классам воспитанниц. В соответствии с утвержденным проектом реформы учебной части ранее существовавшие трехгодичные классы отменялись, и вместо них уже были введены семь одногодичных классов. Начальница, ранее согласившаяся с изменениями, предложенными Ушинским, вдруг решила настоять на прежнем порядке и послала ему 23 января 1862 г. соответствующую «Пояснительную записку о выпусках воспитанниц». Ушинский в своем ответе, датированном 27 января, пояснил, что размещение девиц по классам сообразно их познаниям и возрасту, а не по годам приема в институт, утверждено Советом 9 января 1860 г., а с 12 апреля того же года начато преподавание во всех классах по новому порядку [13, с. 209]. При этом Ушинский указывал, что если вернуться к старому порядку, то «будет совершенно приостановлено введение высочайше утвержденного преобразования». Тем самым он намекал на то, что его нововведение было введено с разрешения императрицы. Далее он предлагал М. П. Леонтьевой «заранее исходатайствовать то или другое изменение высочайше утвержденного постановления» [16, с. 126–127].

Иными словами, Ушинский предлагал сначала утвердить «на самом верху» желаемые изменения, и только потом внедрять их в стенах Смольного. Такой порядок позволил бы не ставить нормальный ход учебной работы в зависимость от сиюминутных капризов начальницы. Понятно, что такой дерзкий ответ не мог сойти с рук Ушинскому, о чем он с грустью

впоследствии писал: «Получив этот ответ, г-жа начальница должна была отказаться от своих желаний, и с тех пор перестала говорить со мной, и тогда появились всякого рода обвинения против меня» [14, с. 317].

Как отмечал М. Л. Песковский, «росли зависть, ненависть и вражда к Ушинскому со стороны слепых приверженцев старины. Этого бескорыстного человека безупречной честности, убежденного верующего, патриота в самом возвышенном смысле слова обвиняли во всевозможных неблагоприятных поступках, даже в политической неблагонадежности. Настойчиво, энергично добиваясь определенной цели, не поступаясь ни в чем своими убеждениями, не имея обыкновения ладить «с дрянными самолюбцами», Ушинский создал себе к началу 1862 г. такую массу сильных врагов, что не только вынужден был оставить инспекторство, но был вынужден даже оправдываться из-за клеветнических доносов» [5, с. 47].

В январе 1862 г. преподаватель Закона Божьего В. В. Гречулевич, подстрекаемый М. П. Леонтьевой, пишет на ее имя служебную записку, в которой сообщает, что «Ушинский со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность» [13, с. 209].

При этом автор записки руководствовался своими личными впечатлениями от разговоров с Ушинским и теми соображениями, которые он, Ушинский, высказывал относительно устройства учебных заведений, общего распорядка их работы и содержания образования в них.

Нетрудно предположить, что экспансивный и неосторожный Константин Дмитриевич действительно высказывал мнения и предложения, которые казались некоторым его коллегам чересчур радикальными. Так что смольнинскому законоучителю не пришлось слишком уж кривить душой; скорее всего, в своей записке он и в самом деле излагал то, что действительно слышал из уст Ушинского. Директриса незамедлительно сообщила о разразившемся конфликте императрице.

Императрица Мария Александровна встала перед сложной дилеммой. Она лично знала Ушинского с самой безупречной стороны и очень ценила его как человека даровитого; она даже советовалась с ним по поводу воспитания своего сына Николая (1843–1865). Эти советы Ушинский оформил в форме нескольких писем-статей, которые впоследствии включались в его собрания сочинений [15]. Но и Леонтьева была ее приближенной...

Как поступить, чтобы не обидеть ни ту, ни другую сторону? В итоге императрица отвергла выпады клеветников и приняла знаменитого русского педагога под свое высокое покровительство. Именно поэтому все те высокопоставленные особы, которые в дальнейшем решали судьбу Ушинского и определяли его материальное содержание, относились к нему более чем благосклонно.

Отметим, что упомянутая служебная записка, как и ответ Ушинского, не сохранились, поэтому об их содержании мы можем судить разве что по воспоминаниям современников. Правда, в публикациях досоветского периода упоминается, что Ушинский был обвинен в безбожии и политической неблагонадежности [4, с. 50].

Первое обвинение основывалось на том, что Ушинский придавал особое значение преподаванию естественных наук, а его учебные книги были полны соответствующих примеров из жизни природы. Но Ушинский был, по существу, дуалистом; в его трудах Бог и Природа выглядят не противоречащими, а дополняющими друг друга субстанциями. Особенно возмутило Константина Дмитриевича второе обвинение – в политической неблагонадежности. Напротив, Ушинский был законопослушным гражданином и никогда не высказывался против царствующих особ.

Но все эти возражения со стороны Ушинского консервативную «половину» Смольного не интересовали. Ушинский должен был покинуть Смольный вместе со своими «выдвиженцами», и для достижения этой цели были хороши все средства.

Л. Н. Модзалевский утверждал, что в начале 1862 г. главноуправляющий ведомством учреждений императрицы Марии принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) получил «обширный» доклад начальницы Смольного, который был также подписан и некоторыми членами педагогического совета. В нем утверждалось, что Ушинский «вместе со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность» [4, с. 50].

В надежде оправдаться Ушинский подал записку графу Сергею Степановичу Ланскому (1787–1862). Ушинский обратился именно к нему потому, что тот состоял членом главного совета женских учебных заведений, занимался пересмотром устава этих заведений, а в последние годы и вовсе сосредоточился на анализе их «учебной части». Ушинский настойчиво заявлял: «Я желал бы, чтобы все мои служебные действия были подвергнуты подробному и

открытому исследованию, и убедительнейше прошу вас назначить надо мной формальное следствие; но имею, кажется, полное право просить также, чтобы моя домашняя жизнь и мои домашние разговоры были оставлены в покое. Нет ничего больнее, тяжелее и неудобнее, как защищаться от обвинений подобного рода!» [14, с. 323]. К несчастью для Ушинского, Ланской 26 января 1862 г. скончался, так и не прочитав его письма.

М. Л. Песковский свидетельствовал: «Словно громом пораженный в самое сердце, Ушинский в течение нескольких суток, почти не вставая с места, писал свое оправдание. Отписка Ушинского, в сущности, была не оправданием, а криком негодования, воплем и протестом против нелепости взводимых на него обвинений, против наглого посягательства на его честь и доброе имя» [5, с. 48].

Д. Д. Семенов с горечью писал: «Ушинского столкнули интриги лиц, не сочувствовавших широкой реформе женского институтского образования» [12, с. 88].

Ю. С. Рехневский в связи с этим отмечал: «Человек более уступчивый, чем Ушинский, обладающий большим дипломатическим тактом, которым Ушинский вовсе не отличался, по всей вероятности, с большей легкостью успел бы провести эти преобразования; но Ушинскому они стоили невероятных трудов и усилий. Борьба, которую он должен был выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и расстроила его здоровье» [10, с. 15].

Как бы там ни было, нельзя не отметить тот очевидный факт, что дальнейшая судьба Ушинского разрешилась наилучшим для него образом, хотя в советских учебных книгах по истории педагогики прямо указывалось на то, что царский режим «душил» Ушинского и отправил его в «замаскированную ссылку» в Швейцарию [3, с. 217].

На заявление Ушинского от 22 марта 1862 г. с просьбой отправить его за границу в командировку министр А. В. Головнин наложил резолюцию: «Государь разрешил причислить к Министерству народного просвещения Ушинского и командировать за границу для изучения устройства учительских семинарий» [13, с. 110].

К. Д. Ушинскому давалось крайне необременительное поручение ознакомиться с работой наиболее интересных учебных заведений и представить в министерство характеристику их работы и управления. Официальная дата его ухода из Смольного института – 12 апреля 1862 г.

С материальной точки зрения Ушинский, конечно, ничего не потерял. Наоборот, годы, проведенные в Швейцарии и Германии, позволили ему подлечиться на тамошних курортах. У него появилось много свободного времени, которое он использовал для написания своих замечательных пособий «Детский Мир» и «Родное Слово». Семья была вместе с ним. Более того, старший сын Павлик учился в Йене, под присмотром Л. Н. Модзалевского и легендарного немецкого педагога К. Ф. Стоя.

Но вот морально Ушинскому было тяжело. Он не мог не сознавать того очевидного факта, что все его реформаторские начинания в Ярославле, Гатчине, Смольном терпят крах.

Он был, без сомнения, звездой, но звездой *преждевременной*. Свою *преждевременность* он, по всей видимости, отчетливо ощущал. Но ощущали это другие люди его окружавшие? Едва ли... И в этом состояла трагедия великого русского педагога.

Заключение. К. Д. Ушинский предугадывал стремление русских женщин к получению образования. Несомненно, он мечтал о том, чтобы поставить образовательный курс средних женских учебных заведений на один уровень с мужским. Именно он положил начало специальному педагогическому образованию женщин. Однако широкие замыслы, которые Ушинский стремился реализовать в Смольном, оставались нерешенными вплоть до Октября 1917 г.

Многие нововведения К. Д. Ушинского не только были сохранены в Смольном институте, но и получили распространение в других женских институтах. Поколения русских девушек, прошедших через женские институты, именно Ушинскому обязаны лучшими условиями образования и воспитания по сравнению с теми, что были ранее.

В одной статье невозможно охватить все аспекты, связанные с деятельностью К. Д. Ушинского в Смольном институте, поэтому в представленном материале решались лишь конкретно обозначенные во введении задачи.

Представляется необходимым дальнейшее исследование биографии великого русского педагога с целью установления новых фактов, которые бы позволили, возможно, полнее представить его жизнь и педагогическую деятельность.

Рис. 1. Слева направо: К. Д. Ушинский, М. П. Леонтьева, Д. Д. Семенов, М. Л. Песковский

Рис. 2. Слева направо: Л. Н. Модзалевский, В. И. Водовозов, Е. Н. Водовозова, А. С. Норов

Рис. 3. Слева направо: А. В. Никитенко, Н. Г. Казанский, М. И. Семевский, П. Г. Ольденбургский

Список литературы

1. Водовозова Е. Н. На заре жизни и другие воспоминания : в 2 т. М. ; Л., 1964.
2. К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах / сост. В. К. Зажурило, Н. Г. Казанский. М., 1950. 132 с.
3. Константинов Н. А. История педагогики / Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. М. : Просвещение, 1982. 448 с.
4. Модзалевский Л. Н. К биографии Ушинского. Тифлис, 1881. 71 с.
5. Песковский М. Л. Константин Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность // Библиографическая библиотека Ф. Ф. Павленкова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1893. 80 с.
6. Помелов В. Б. Видный российский организатор образования И. Ф. Тимковский (к 250-летию со дня рождения) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 4. С. 384–389.
7. Помелов В. Б. П. Г. Редкин: замечательный, но забытый педагог (к 210-летию со дня рождения) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 37–41.
8. Помелов В. Б. Смольный институт благородных девиц. К 250-летию со времени основания // Начальная школа. 2015. № 2. С. 84–89.
9. Помелов В. Б. 100 великих педагогов : научно-популярное издание. М. : Вече, 2018. 416 с.
10. Рехневский Ю. С. К. Д. Ушинский // Вестник Европы. 1871. № 2. С. 6–17.
11. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1 / под ред. Г. Н. Джибладзе. М. : Педагогика, 1981.
12. Семенов Д. Д. Из пережитого. Мое первое знакомство с К. Д. Ушинским // Избранные педагогические сочинения. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1953. С. 63–90.
13. Струминский В. Я. Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского. М. : Учпедгиз, 328 с.

14. Ушинский К. Д. Объяснительная записка, представленная К. Д. Ушинским одному из членов совета воспитательного общества в ответ на предъявленные ему обвинения : собр. соч. : в 11 т. Т. 11 / гл. ред. В. Я. Струминский. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1952. С. 316–324.

15. Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола : собр. соч. : в 6 т. Т. 1 / гл. ред. М. И. Кондаков. М. : Педагогика, 1988. С. 317–340.

16. Чернышев В. И. К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов // Известия АПН РСФСР. Вып. 33. 1951. С. 106–127.

The work of K. D. Ushinsky at the Smolny Institute of Noble Maidens. To the 200th anniversary of the birth of the great Russian teacher

Pomelov Vladimir Borisovich

Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. February 19, 2023 marked the 200th anniversary of the birth of Konstantin Dmitrievich Ushinsky (1823–1870). The multifaceted personality of the great Russian teacher and his works, which determined the course of development of Russian pedagogy, have repeatedly become the subject of research by Russian historians of pedagogy. At the same time, many assessments given by researchers in the previous historical period suffered from ideological limitations. In addition, in recent years, new, previously unknown facts related to the personality of K. D. Ushinsky and his works have appeared at the disposal of scientists. The author of the article used an axiological approach, which allows to identify the value potential in the subject of research, and a biographical method. To achieve the purpose of the study – the characteristics of Ushinsky's work at the Smolny Institute of Noble Maidens – the following tasks are consistently solved: information is given about the enlightenment figures who contributed to the transition of K. D. Ushinsky to work in Smolny (A. V. Nikitenko, A. S. Norov); an assessment of the state of women's education in Russia in the middle of the nineteenth century is given; Ushinsky reform at the Institute of Noble Maidens; It is shown how his conflict with the "Smolninsky" retrogrades (M. P. Leontiev) proceeded. The article contains excerpts from the memoirs of Ushinsky by his contemporaries and friends (E. N. Tsevlvskaya, M. L. Peskovsky, Yu. S. Rehnevsky). The conclusion is made about the need for further research of the biography of the great Russian teacher in order to establish new facts that would allow a fuller representation of his life and pedagogical activity.

Keywords: Russian Empire, pedagogy, Smolny Institute of Noble Maidens, K. D. Ushinsky, A. V. Nikitenko, A. S. Norov, M. P. Leontieva.

References

1. Vodovozova E. N. *Na zare zhizni i drugie vospominaniya : v 2 t.* [At the dawn of life and other memories : in 2 vols.]. M. L. 1964.
2. *K. D. Ushinskij v portretah, illyustracijah, dokumentah* – K. D. Ushinsky in portraits, illustrations, documents / comp. V. K. Zazhurilo, N. G. Kazansky. M. 1950. 132 p.
3. *Konstantinov N. A. Istoriya pedagogiki* [History of pedagogy] / E. N. Medynsky, M. F. Shabaeva. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 1982. 448 p.
4. *Modzalevskij L. N. K biografii Ushinskogo* [On Ushinsky's biography]. Tiflis. 1881. 71 p.
5. *Peskovskij M. L. Konstantin Ushinskij. Ego zhizn' i pedagogicheskaya deyatel'nost'* [Konstantin Ushinsky. His life and pedagogical activity] // *Bibliograficheskaya biblioteka F. F. Pavlenkova* – Bibliographic library of F. F. Pavlenkov. SPb. Typ. of Yu. N. Ehrlich. 1893. 80 p.
6. *Pomelov V. B. Vidnyj rossijskij organizator obrazovaniya I. F. Timkovskij (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Prominent Russian organizer of education I. F. Timkovsky (on the 250th anniversary of his birth)] // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* – Pedagogy. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 7. No. 4. Pp. 384–389.
7. *Pomelov V. B. P. G. Redkin: zamechatel'nyj, no zabytyj pedagog (k 210-letiyu so dnya rozhdeniya)* [P. G. Redkin: a wonderful but forgotten teacher (to the 210th anniversary of his birth)] // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* – Pedagogy. Questions of theory and practice. 2018. No. 2. Pp. 37–41.
8. *Pomelov V. B. Smol'nyj institut blagorodnyh devic. K 250-letiyu so vremeni osnovaniya* [Smolny Institute of Noble Maidens. To the 250th anniversary of the foundation] // *Nachal'naya shkola* – Elementary school. 2015. No. 2. Pp. 84–89.
9. *Pomelov V. B. 100 velikih pedagogov : nauchno-populyarnoe izdanie* [100 great teachers : popular science edition]. M. Veche. 2018. 416 p.
10. *Rekhnevskij Yu. S. K. D. Ushinskij* [K. D. Ushinsky] // *Vestnik Evropy* – Herald of Europe. 1871. No. 2. Pp. 6–17.

11. Rousseau J.-J. *Emil', ili O vospitanii* [Emil, or On education] / Pedagogical works : in 2 vols. Vol. 1 / ed. by G. N. Djibladze. M. Pedagogy. 1981.
12. Semenov D. D. *Iz perezhitogo. Moe pervoe znakomstvo s K. D. Ushinskim* [From the experience. My first acquaintance with K. D. Ushinsky] // *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* – Selected pedagogical works. M. Publishing House of the APN of the RSFSR, 1953. Pp. 63–90.
13. Struminskij V. Ya. *Ocherki zhizni i pedagogicheskoy deyatelnosti K. D. Ushinskogo* [Essays on the life and pedagogical activity of K. D. Ushinsky]. M. Uchpedgiz. 328 p.
14. Ushinskij K. D. *Ob'yasnitel'naya zapiska, predstavlenaya K. D. Ushinskim odnomu iz chlenov soveta vospitatel'nogo obshchestva v otvet na pred'yavlennye emu obvineniya : sobr. soch. : v 11 t. T. 11* [Explanatory note submitted by K. D. Ushinsky to one of the members of the Board of the educational society in response to the charges brought against him : coll. works : in 11 vols. Vol. 11] / chief ed. V. Ya. Struminsky. M. Publishing House of the RSFSR Academy of Sciences. 1952. Pp. 316–324.
15. Ushinskij K. D. *Pis'ma o vospitanii naslednika russkogo prestola : sobr. soch. : v 6 t. T. 1* [Letters on the upbringing of the heir to the Russian throne : coll. works : in 6 vols. Vol. 1] / chief ed. M. I. Kondakov. M. Pedagogy. 1988. Pp. 317–340.
16. Chernyshev V. I. *K. D. Ushinskij i reforma Smol'nogo i Aleksandrovsikogo institutov* [K. D. Ushinsky and the reform of Smolny and Alexander institutes] // *Izvestiya APN RSFSR* – News of APN RSFSR. Is. 33. 1951. Pp. 106–127.